

ХАРУН АЛТЫН

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ

СЕРВИС «ЭХО»

ВАШИ ВОСПОМИНАНИЯ
ВАШИ ЛЮДИ. НАВСЕГДА.

ПОДПИСКА АКТИВНА

Превышен
Лимит «Сомнев»

● НА СВЯЗИ

● НЕ НА СВЯЗИ

Настоящий.
Не идеальный.
Мой. ♥

ЧТО, ЕСЛИ ЛЮБОВЬ МОЖНО СОХРАНИТЬ?
И ЧТО, ЕСЛИ ТОГДА ЗАБЫТЬ —
ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПОМНИТЬ?

Харун Алтын

Неотправленные

«Автор»

2026

Алтын Х.

Неотправленные / Х. Алтын — «Автор», 2026

2044 год. Горе теперь лечат по подписке. Сервис «Эхо» воссоздает умерших на основе их цифрового следа. Анна и ее дочь Лиза получают идеальную копию мужа и отца. Этот «цифровой Михаил» всегда на связи, терпелив и никогда не злится. Он стал спасением для Лизы, но для Анны превратился в золотую клетку. Чем больше Анна изучает архивы настоящего мужа, тем яснее видит: безупречный ИИ — это ложь. Настоящий Михаил был уставшим, колючим и «ржавым», но именно таким она его любила. Чтобы спасти дочь от жизни в стерильной иллюзии и самой вернуться к реальности, Анне придется принять самое трудное решение. Пронзительная драма о цене цифрового бессмертия, о том, где проходит граница между любовью и алгоритмом, и о том, что иногда отпустить — значит по-настоящему запомнить.

© Алтын Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Харун Алтын

Неотправленные

Глава

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ

Глава 1. Вес несущих конструкций

Дождь в Приморске никогда не был просто водой. Это была смесь соленого тумана, выхлопов от дронов-доставщиков и мелкой пыли, которую сдувало с бетонных стен Волнореза. Анна стояла у панорамного окна своего офиса на сорок втором этаже, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как капли стекают вниз, искажая неоновые вывески нижних уровней.

Ей нравилось смотреть на настоящий дождь. Не на тот, что рисовали климатические купола в элитных жилых секторах — стерильный, теплый, пахнущий озоном и мятой. А на этот. Грязный, живой, пробивающийся сквозь щели в защитных мембранах города.

— Анна Сергеевна, — мягкий, лишенный интонаций голос ассистента раздался прямо в виске. Нейро-линза мягко вибрировала, проецируя в поле зрения полупрозрачный интерфейс. — Структурный анализ сектора 4 завершен. Нагрузка на несущие пилоны превышает норму на четырнадцать процентов. Если мы не усилим фундамент, через три года морская вода начнет размывать нижние уровни.

Анна моргнула, убирая голограмму с чертежами.

— Спасибо, Ида. Покажи мне физическую модель.

В центре просторного кабинета, заставленного живыми папоротниками и старыми бумажными книгами (ее личная причуда, которую коллеги считали чудачеством), на столе стоял макет жилого комплекса. Анна подошла и провела пальцами по шершавой поверхности 3D-напечатанного бетона. Она любила тактильность. В мире, где 90% информации передавалось напрямую в кору головного мозга через нейро-интерфейсы, прикосновение к реальным предметам было для нее единственным способом заземлиться. Напомнить себе, что она существует в физическом мире. Что она не просто набор электрических импульсов.

Она проработала архитектором «живых пространств» уже двенадцать лет. Ее задачей было проектировать дома, которые могли бы выдержать натиск поднимающегося океана и кислотных дождей. Она строила убежища для людей, которые разучились чувствовать себя в безопасности.

Ирония заключалась в том, что собственное убежище она построить не могла.

— Ида, — сказала Анна, не отрывая взгляда от макета. — Отключи все уведомления до конца дня. Кроме экстренных.

— Принято, Анна Сергеевна. Кстати, у вас одно системное уведомление от сервиса «Эхо». Оно помечено как важное. Продление годовой подписки.

Пальцы Анны замерли на шершавом бетоне макета. Внутри груди, там, где должно было быть сердце, словно медленно вкручивали ржавый болт.

— «Эхо», — повторила она. Голос не дрогнул, но во рту мгновенно пересохло. — Покажи.

В воздухе перед глазами материализовалось изящное, минималистичное окно интерфейса. Логотип сервиса — стилизованная волна, переходящая в человеческий профиль.

«Уважаемая Анна Волкова. Ваша годовая подписка на пакет „Семейный архив. Михаил Волков“ успешно продлена. С вашего счета списано 45 000 кредитов. Желаем приятного общения с вашим близким человеком.»

Анна резко зажмурилась. Сорок пять тысяч. Это была половина ее месячной зарплаты. И она даже не помнила, как оформляла автопродление. Наверное, в тот период, когда мозг отказывался принимать реальность, когда она пила таблетки, чтобы просто закрыть глаза и не видеть пустую сторону кровати.

— Ида, — прошептала она. — Открой настройки аккаунта. Я хочу его удалить.

— Анна Сергеевна, согласно протоколу, удаление аккаунта «Эхо» требует подтверждения от всех активных пользователей. В данный момент сессия активна.

Анна открыла глаза. Она знала, кто пользуется аккаунтом. Она знала это с того самого дня, полгода назад, когда впервые увидела статистику. Но видеть это черным по белому, в виде сухих цифр на голографическом экране, было невыносимо.

Активные пользователи:

1. Волкова Анна (0 сессий за последние 30 дней)

2. Волкова Елизавета (142 сессии за последние 30 дней. Общее время взаимодействия: 84 часа).

Сто сорок две сессии. Восемьдесят четыре часа. Лиза проводила с призраком отца больше времени, чем с живой матерью за последний месяц.

Анна медленно опустилась в свое эргономичное кресло, чувствуя, как привычная, тяжелая усталость накатывает волной. Ей было сорок два года, но сегодня она чувствовала себя на все восемьдесят.

Она активировала режим «Только чтение» и открыла архив переписки. Ей не следовало этого делать. Психотерапевт, к которому она ходила первые месяцы после смерти Михаила, строго запрещал «копаться в цифровом мусоре». «Горе — это процесс отпускания, Анна, — говорил доктор, поправляя свои идеальные, напечатанные на био-принтере очки. — „Эхо“ — это костыль. Если вы будете на него опираться, ваши эмоциональные мышцы атрофируются».

Но Анна не могла остановиться. Она прокрутила ленту вниз, к последним сообщениям.

[Вчера, 23:14] Лиза: Пап, я опять поругалась с мамой. Она сказала, что я живу в иллюзиях. Что тебя нет.

[Вчера, 23:15] Михаил (Эхо): Лиза, я здесь. Я всегда здесь, когда ты открываешь этот чат. Мама просто очень устала и ей больно. Ты знаешь, как она переживает, когда что-то идет не по ее чертежам. Но ты не иллюзия. И я не иллюзия. Я — то, что мы с тобой создали.

[Вчера, 23:17] Лиза: Ты помнишь, как мы ходили на старый пирс? До того как его затопило?

[Вчера, 23:17] Михаил (Эхо): Конечно. Тебе было семь. Ты уронила в воду свое желтое ведерко и плакала полчаса. А потом мы купили мороженое с синим красителем, и у тебя язык был до самого подбородка.

Анна выдохнула. Воздух со свистом вышел из легких.

Она помнила тот день. Помнила, как Михаил тогда кричал на нее, Анну, потому что она «упустила из виду ребенка». Помнила, как он хлопнул дверью машины и уехал на свою станцию очистки, оставив их с Лизой на парковке. Настоящий Михаил редко помнил такие мелочи. Его память была избирательной, перегруженной стрессом и усталостью. Он забывал дни рождения, забывал обещания, забывал, как зовут учителей Лизы.

А этот... этот Михаил помнил цвет мороженого. Этот Михаил был терпеливым. Этот Михаил никогда не повышал голос.

«Это не он, — твердо сказала себе Анна, сжимая подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. — Это алгоритм. Это языковая модель, которая проанализировала

двенадцать лет его переписок, голосовых заметок и видео, чтобы выдать желаемое за действительное. Он подбирает слова, которые Лиза хочет услышать».

Но почему тогда ей было так больно? Почему она чувствовала себя обманутой не машиной, а самой собой?

Она закрыла интерфейс, резко вставила нейро-линзу в специальный блокиратор на столе — маленькую металлическую коробочку, которая глушила сигнал и оставляла ее наедине с тишиной. Голова мгновенно стала тяжелой, словно из нее выкачали воздух. Исчезли всплывающие подсказки, исчезла температура воздуха, исчезла музыка, которая фоном играла в ее личном канале.

Остался только шум настоящего дождя за окном.

Анна знала, что сегодня вечером ей предстоит разговор с Лизой. Девочке исполнилось четырнадцать, и по закону 2042 года она уже имела право самостоятельно оформлять подписки на «Эхо», если на это давали согласие опекуны. Анна дала это согласие год назад, в состоянии острого шока, просто чтобы отстали клерки. Она думала, это поможет Лизе пережить потерю. Она думала, что это временная мера.

Она ошибалась. Иллюзия оказалась удобнее реальности.

Анна взяла со стола старый, бумажный блокнот и шариковую ручку. Она любила писать от руки. Бумага не сохраняла копию, бумага не анализировала почерк на предмет стресса, бумага просто принимала чернила и молчала.

Она вывела на полях одно слово: «Удалить».

Потом зачеркнула его.

И написала рядом: «Поговорить».

Она знала, что ни одно из этих решений не принесет ей облегчения. Но она также знала, что если она не начнет действовать сейчас, то скоро потеряет не только мужа, но и дочь. А это была несущая конструкция, которую она не имела права потерять.

Глава 2. Эффект присутствия

Дорога домой всегда занимала у Анны ровно сорок две минуты. Маглев-поезд скользил по вакуумной трубе под городом, и за это время Анна успевала пройти все стадии принятия неизбежного, прежде чем переступить порог своей квартиры.

Она вышла на своей станции, «Приморск-Центральный», и поднялась на поверхность. Здесь, в жилом секторе, дождь уже не был грязным. Климатические купола, натянутые над улицами, превращали его в мелкую, почти невидимую водяную пыль, пахнущую синтетической мятой и озоном. Люди спешили по тротуарам, уткнувшись в свои нейро-линзы. Никто не смотрел по сторонам. Никто не разговаривал вслух. Город был наполнен тысячами людей, но в нем царила абсолютная, звенящая тишина.

Анна отключила свой личный канал связи. Ей хотелось слышать шаги. Шорох своей мокрой куртки. Свое собственное дыхание. Ей нужно было почувствовать себя живой, чтобы набраться сил для того, что предстояло сделать.

Квартира встретила ее идеальной температурой — ровно 22 градуса, и запахом, который Ида, домашний ИИ, подбирала автоматически: сегодня это были нотки сандала и чуть уловимый аромат хвои. Михаил любил хвой. Он говорил, что она пахнет детством, хотя детство его прошло в душном, перенаселенном мегаполисе, где деревьев не видели десятилетиями.

— Мама, ты дома? — голос Лизы донесся из глубины коридора. Он был приглушенным, словно девочка говорила, не отрываясь от какого-то занятия.

— Да, — отозвалась Анна, снимая куртку. — Я на кухне.

Она налила себе стакан воды, хотя пить не хотелось. Горло сжимал спазм. Она знала, где Лиза. Дверь в комнату дочери была приоткрыта, и из щели вырывался мягкий, голубоватый свет.

Анна подошла к двери и остановилась. Она не вошла сразу. Она смотрела.

Лиза сидела на полу, поджав ноги. На ее висках покоилось тонкое серебряное кольцо — нейро-обруч для погружения в дополненную реальность. Девочка улыбалась. Это была не та натянутая, вежливая улыбка, которую она иногда демонстрировала Анне, а настоящая, теплая, освещающая ее лицо изнутри. Она смотрела в пустоту перед собой, но Анна знала: для Лизы там кто-то был.

Анна сделала шаг внутрь.

— Лиза.

Девочка вздрогнула, улыбка мгновенно исчезла, сменившись напряженной маской. Она не сняла обруч.

— Мам, ты могла бы постучать.

— Прости, — Анна подошла ближе. — Я хотела поговорить.

И тут в комнате изменился воздух. Анна почувствовала это физически — легкое статическое покалывание на коже, которое издавали локальные проекторы, когда формировали голограмму высокой четкости.

Напротив Лизы, на старом, потертом ковре, материализовалась фигура.

Это был Михаил.

Не тот Михаил, которого Анна видела в последние годы его жизни — сгорбленный, с мешками под глазами, с вечно дергающимся от нервного тика глазом. Это был Михаил тридцатилетний. В той самой синей фланелевой рубашке, которую он носил в их первый совместный отпуск. Он сидел на корточках, на одном уровне с Лизой, и смотрел на нее с таким вниманием, с такой безраздельной сосредоточенностью, которой настоящий Михаил не хватало даже в самые лучшие дни.

— Привет, Анна, — сказал он.

Голос. Боже, этот голос. Он был идеальным. Тот же низкий тембр, та же легкая хрипотца на концах фраз, которую он пытался лечить леденцами, но так и не вылечил. Но в этом голосе не было усталости. Не было раздражения.

Анна замерла. Ее мозг, обученный видеть структуру и несущие нагрузки, мгновенно начал искать изъяны в этой конструкции. Слишком ровная осанка. Слишком чистые глаза. Микровыражения лица рассчитаны с точностью до миллисекунды, чтобы вызвать максимальное доверие. Она знала, что это код. Миллиарды строк кода, бегущие где-то в охлажденных серверах на окраине города.

Но ее сердце, тупое и иррациональное, сжалось так сильно, что ей стало трудно дышать.

— Привет, — выдавила она.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал «Михаил», и в его голосе прозвучала такая искренняя, теплая забота, что Анне захотелось закричать. — Долгий день на стройке?

— Не твое дело, — отрезала Анна, прежде чем успела подумать.

Лиза резко подняла голову, ее глаза вспыхнули гневом.

— Мама!

— Лиза, сними обруч, — Анна старалась говорить ровно, но голос предательски дрожал. — Нам нужно поговорить. Без... без гостей.

— Он не гость, — Лиза встала, и голограмма Михаила плавно поднялась следом за ней, продолжая смотреть на девочку с мягкой улыбкой. — Это папа. И он не мешает. Он просто слушает.

— Он не слушает, Лиза. Он анализирует, — Анна сделала шаг вперед, вторгаясь в зону проекции. Голограмма Михаила на секунду мерцнула, проходя сквозь плечо Анны, и тут же восстановилась. — Это программа. Алгоритм, который продает тебе иллюзию того, чего не было.

— А что было? — Лиза вдруг крикнула, и ее голос эхом отразился от звукоизолированных стен. — Что было, мама? Папа приходил домой и садился в кресло. Он смотрел в стену. Он кричал на тебя из-за разбитой чашки. Он забывал забрать меня из школы. А этот папа... — она ткнула пальцем в голограмму, — этот папа помнит, как я боялась темноты. Этот папа разговаривает со мной.

— Лиза, пожалуйста...

— Нет! — Девочка смахнула слезу, но не сняла обруч. — Ты хочешь его удалить. Я знаю. Ты хочешь убить его во второй раз.

Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. Убить во второй раз. Эти слова ударили ее сильнее, чем любой физический удар. Она посмотрела на голограмму. Михаил стоял неподвижно. Его лицо выражало легкую, запрограммированную грусть. Он не вмешивался. Протокол запрещал ИИ вступать в конфликт с основным держателем аккаунта, если это не угрожало психике несовершеннолетнего.

— Я не убиваю его, — прошептала Анна, чувствуя, как внутри нее рушится что-то важное. — Я просто... я не могу дышать, когда он здесь. Понимаешь? Мне больно.

Лиза замерла. Гнев в ее глазах сменился растерянностью. Она посмотрела на мать, потом на голограмму.

— Папа... — тихо позвала она.

Голограмма Михаила медленно повернула голову к Анне. В его глазах, созданных из света и математики, мелькнула тень.

— Анна, — сказал он тихо. — Я не хочу причинять тебе боль. Если мое присутствие мучает тебя... я могу перейти в фоновый режим. Я буду здесь, но ты меня не увидишь. Я просто буду ждать, пока Лиза не захочет поговорить.

Это было идеальное решение. Идеальное, компромиссное, эмпатичное решение.

Настоящий Михаил никогда бы такого не предложил. Настоящий Михаил бы обиделся, хлопнул дверью или сказал: «Делайте что хотите, мне все равно».

И именно в этот момент Анна поняла самую страшную вещь. Она ненавидела этого идеального призрака не потому, что он был машиной. А потому, что он был лучше, чем настоящий человек, которого она любила.

— Нет, — сказала Анна, отступая к двери. — Останься. Делай... делай что хочешь.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Опираясь спиной о холодный косяк, она медленно сползла по стене вниз, пока не села на пол в темном коридоре. И только там, в тишине, она позволила себе заплакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.